

Поленова Галина Тихоновна, Буренко Людмила Васильевна

ВЛИЯНИЕ МИФОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА ЕНИСЕЙЦЕВ НА ИХ ЯЗЫК (К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ КАТЕГОРИИ ПАДЕЖА)

В статье предлагается гипотеза происхождения категории падежа на материале бесписьменных енисейских языков, грамматическая система которых обнаруживает черты, присущие древним этапам развития языка. Исходя из постулата о том, что любые изменения, происходящие в социуме, находят своё отражение в языке, авторы обосновали мысль о том, что изучение картины мира, характерной определенному обществу, может пролить свет на проблему эволюции грамматических категорий (в том числе и категории падежа) в языке, на котором оно говорит.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/10/36.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 10 (28). С. 133-138. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/10/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

**FUNCTIONING OF PHRASEOLOGICAL UNITS—"FALSE FRIENDS"
IN ENGLISH-LANGUAGE INTERNET RESOURCES**

Pivovarova Ekaterina Vladimirovna
Far-Eastern Federal University
pivovarova_kate@mail.ru

The article reveals the notion of phraseological units—"false friends" by the example of the English and Russian languages. The author gives a brief description of the existing classes of this type of phraseological units. Particular attention is paid to the functioning of interlingual "false friends" in the English-language internet resources, the possible difficulties in understanding are described, and the methods for avoiding mistakes in translation are suggested.

Key words and phrases: phraseological unit; "false friend"; definition; functioning of interlingual phraseological units.

УДК 81-23

Филологические науки

В статье предлагается гипотеза происхождения категории падежа на материале бесписьменных енисейских языков, грамматическая система которых обнаруживает черты, присущие древним этапам развития языка. Исходя из постулата о том, что любые изменения, происходящие в социуме, находят своё отражение в языке, авторы обосновали мысль о том, что изучение картины мира, характерной определенному обществу, может пролить свет на проблему эволюции грамматических категорий (в том числе и категории падежа) в языке, на котором оно говорит.

Ключевые слова и фразы: категория падежа; енисейские языки; картина мира; мифология; матриархат; патриархат; дейктические частицы; языковой строй.

Поленова Галина Тихоновна, д. филол. н., профессор
Таганрогский государственный педагогический институт имени А. П. Чехова
polenova@mail.ru

Буренко Людмила Васильевна
Южный федеральный университет, г. Таганрог
lburenko@yandex.ru

**ВЛИЯНИЕ МИФОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА ЕНИСЕЙЦЕВ НА ИХ ЯЗЫК
(К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ КАТЕГОРИИ ПАДЕЖА)©**

Представления о происхождении грамматических и лексических категорий на материале индоевропейских языков оставляют много тайн, разгадать которые можно только при комплексном изучении *homo sapiens* с учетом данных мифологии древнейших народов мира, данных истории древнего общества, топонимики, палеонтологии, археологии, этнографии, философии, психолингвистики и т.п.

Языковые формы изначально служили нуждам коммуникации, отражали процесс познания мира человеком. Справедливым считаем суждение о том, что язык является «опосредующим звеном между человеком и окружающим его миром», поскольку ему «присуща специфическая для каждого народа внутренняя форма, т.е. выражение «народного духа», его культуры» [12, с. 160]. Несомненно и то, что языковая картина мира древних людей находит своё отражение в грамматических категориях и единицах языка, посредством анализа которых мы реконструируем древнюю культуру и мировосприятие далеких предков.

Языковая система – это одна из когнитивных систем. Язык вырастает из «не-языка», и предпосылкой его возникновения должны служить когнитивные структуры, относительно независимые от языка и предшествующие ему. Природа и онтологический статус явления могут быть выявлены лишь с учетом его генезиса. «В основе метода когнитивной реконструкции лежит постулат об исходной когнитивной мотивированности языковой формы: в той мере, в какой языковая форма мотивирована, она «отражает» стоящую за ней когнитивную структуру. Языковая форма в норме небезразлична к означиваемой ею когнитивной структуре, и это «небезразличие» нуждается в лингвистическом анализе с целью его обнаружения» [10, с. 46].

В каждом языке сохранились реликтовые явления, трудно объяснимые или совсем непонятные в рамках структуры современного состояния того или иного языка. Такие явления причисляются нормативной грамматикой к исключениям. И именно эти исключения при нашем подходе проливают свет на «доисторическое» прошлое языка, особенно если учесть, что енисейцы-кетты представляют собой последний островок некогда могучего этноса динлинов-ровесников хунну. Методы реконструкции предполагают выявление

элементов более древней системы внутри данного языка (кетского, немецкого) – внутренняя реконструкция, сравнение с другими языками, внешняя реконструкция. Благодаря работам В. М. Иллича-Свитыча и его последователей стало возможным практически неограниченное углубление реконструкции и создание универсальной диахронической семантической типологии языков, актуальность которой была отмечена в одной из работ Вяч. Всев. Иванова [8, с. 100].

Е. С. Кубрякова справедливо отмечает: «Если многие языки существуют тысячелетия, они не могут не отражать некоторых пластов мышления архаичного человека, а в этом смысле – и тех структур сознания, которые ему тогда были свойственны» [14, с. 78]. Необходимо отметить, что архаичные изолированные енисейские языки позволяют исследователю понять древнюю картину мира и благодаря этому объяснить развитие грамматических категорий в языке.

М. А. Можейко определяет язык как «сложную развивающуюся семиотическую систему, являющуюся специфическим и универсальным средством объективации содержания как индивидуального сознания, так и культурной традиции» [16, с. 1286]. Древнейшая «культурная традиция» отражена в мифологии.

В эволюции классической мифологии выделяют два этапа. Первый этап – хтоническая мифология – период выделения человека из природы – относится к периоду матриархата. Центральной мифологемой здесь выступает Великая мать в различных её этновариантах [20, с. 12]. Для первого этапа характерно поклонение человеку множеству божеств. Второй этап – эпическая мифология – период выделения индивида из рода – связан с эпохой патриархата, когда «осуществляется иерархическая переструктурировка пантеона: верховным богом становится, как правило, громовержец, т.е. персонификатор мужского начала» [16, с. 646].

В социологическом плане кеты имели родовой строй вплоть до начала XIX века, когда его сменил патриархат [20, с. 13].

Мифологическая модель мира енисейцев содержит архаические представления о женщинах-созидательницах, Матерях Природы, которые генетически восходят к верхнему палеолиту (более 30 тысяч лет до нашей эры) [22, с. 10]. По мифологическим представлениям кетов всеобщее материнское начало лежит в основе мироздания. Все основные стихии природы (земля, вода, огонь), а также солнце, звезды, заря принадлежат к женскому классу.

Одной из характерных особенностей мировоззрения енисейцев является восприятие мира и всех его частей как живых существ [1, с. 95]. Именно этим объясняется необычное, с точки зрения индоевропейца, распределение имен по классам [19, с. 15-17]. Так, например, мифологическое название Земли у кетов *Baŋam* (*baŋ* – ‘земля’, *am* – ‘мать’), огня – *Bo²kam* (*bo²k* – ‘огонь’), воды – *Ul'am* (*ul'* – ‘вода’). Все эти существительные относятся к женскому классу.

В кетской мифологии отмечается множество женских божеств. Два ведущих образа – Хоседам (*Hos'adam*) и Томам (*Tomam*). Хоседам – Мать Низовья (низовья Енисея) и олицетворение Севера. Томам – Мать Юга, Южное небо, мать перелетных птиц.

Согласно мифологии кетов, на небе живут невидимые обычным людям существа, большая часть которых является олицетворением природных явлений. Само небо олицетворяется в образе одноименного верховного начала *Es* (‘бог, небо’). Другими небесными персонажами являются *Us'es* (‘Теплое небо, Хылесь’) – Ясное небо, *Boks'ejdes* (‘Место огня’) – Место огня и т.д.

В кетской мифологии к матриархату можно отнести время, когда *Es* и *Hos'adam* находятся на небе. *Хоседам* была сначала женой *Es*, небесного повелителя Вселенной, и жила с ним в его прозрачном дворце выше седьмого неба. Но однажды она вместе со своими слугами покинула *Es* и поселилась у Месяца, став его женой. За это она была наказана *Es* и низвергнута на Землю, где стала злым началом, владычицей подземного мира, мира мертвых, Севера и ночи, но, прежде всего, главным вредоносным сверхъестественным существом, насылающим на людей всякие беды, моры и болезни, поднимающим ветры и бури, а также штормы на море. Местом её пребывания является, по одним данным, «мертвый остров» на Севере (в устье Енисея или в море), где она живет в ледяном чуме, по другим – подземный мир, где стекаются все реки [5, с. 150].

В акте ниспровержения *Хоседам* с неба Р. В. Николаев усматривал отражение победы патриархальных отношений в древнеенисейском обществе над матриархальными [17, с. 87-88].

Интересно также следующее замечание Г. К. Вернера: «В свете предположения Р. В. Николаева о связи образа *Hosejdam* со сменой в древнеенисейском обществе матриархальных отношений патриархальными этот персонаж предстает не просто как одна из обычных ипостасей Матери-Земли *Baŋam*, а, скорее, как трансформированный в силу новых общественных отношений и обособившийся вариант исходного образа Матери-Земли, у которого негативные черты характера утрированы вплоть до демонизации образа. Древняя оппозиция образов *Es* vs. *Baŋam* как бы смещена более поздней, явно антагонистической *Es* vs. *Hosejdam*, хотя почитание *Baŋam* не утрачено и проявлялось вплоть до последнего времени» [5, с. 151].

Ф. Энгельс отмечал, что ниспровержение материнского права было всемирно-историческим поражением женского пола. Первый результат установившегося таким образом единовластия мужчин обнаруживается в возникающей теперь промежуточной форме – патриархальной семье. Её главная черта – не многоженство, а организация известного числа лиц, свободных и несвободных, в семью, подчиненную отцовской власти главы семьи [23, с. 60].

Таким образом, в дальнейшем нашем изложении мы будем исходить из того, что подобно тому, как в истории человеческого общества сменяются эпоха за эпохой, язык в своем историческом развитии также

проходит определенные этапы и как средство общения наиболее наглядно отражает то, что происходит в соответствующем обществе, и прежде всего свойственную этому обществу картину мира.

В языке наиболее устойчивым является грамматический строй. Грамматика имеет когнитивные основания, проявляясь и развиваясь под воздействием дискурсивных факторов как центральных для всего языка. В грамматических категориях можно наблюдать разные степени отражения «первичного мотива» [14, с. 148, 172].

Поскольку генетические связи енисейских языков, несмотря на многочисленные попытки, предпринятые в работах А. П. Дульзона, В. Н. Топорова, Б. А. Успенского, Г. Т. Поленовой и др. кетологов, до сих пор не установлены с достаточной достоверностью, а отсутствие письменности у енисейцев не позволяет проследить развитие языка по литературным памятникам, то наиболее приемлемым нам представляется контентивно-типологический подход Г. А. Климова. Ученый выделяет пять языковых типов: нейтральный, классный, активный, эргативный и номинативный. Данные типы выделены в соответствии с особенностями внутренней организации именной и глагольной лексики, передающей субъектно-объектные отношения действительности. При этом каждый предшествующий языковой тип обладает объяснительной силой для последующих типов. Выделенные Г. А. Климовым языковые типы мы соотносим с этапами развития общества.

В своей работе мы используем типологическую классификацию Г. А. Климова для хронологического разграничения этапов эволюции категории падежа.

Анализ синхронного состояния кетского языка, подтвержденный данными родственных коттского и югского языков, показал, что общей чертой парадигм склонения имен существительных и местоимений является деление падежных форм на производные от основного падежа и на производные от формы родительного падежа. В кетском языке к первой группе относятся: орудно-совместный, продольный, лишительный падежи и свойственные только именам существительным местно-временной и звательный падежи. Ко второй группе относятся: дательно-направительный, исходный, назначительный и местно-личный падежи. Родительный падеж образовался от основного падежа путем прибавления аффиксов *-da/-di* в ед. числе и *-na* у существительных одушевленного класса во мн. числе. Таким образом, окончания падежей группы родительного падежа представляют собой сложные образования, в которых можно четко выделить по крайней мере три компонента: элемент *-d-*, указывающий на 3-е лицо, следующие за ним гласные *-a-* или *-i-*, указывающие на класс, к которому данное существительное относится, и конечный элемент, выражающий падежное отношение.

Не менее интересным мы находим тот факт, что окончания падежей группы родительного падежа зачастую употребляются самостоятельно, представляя собой усеченные формы личных местоимений 3-го лица и передавая значения различных падежей. Например: *daŋa* 'ему', *diŋa* 'ей', *daŋt* 'у него', *diŋt* 'у нее' и т.д. Падежи группы основного падежа такой усеченной формы не имеют, так как их окончания не содержат личного компонента. Принимая во внимание данный языковой факт, А. П. Дульзон счел возможным разделить кетские падежи на местоименные (группа родительного падежа) и неместоименные (группа основного падежа) [7, с. 105].

Элементы *„a“* и *„i“*, проявляющиеся в ед. числе в аффиксах падежей, образованных от родительного падежа, делают имена существительные всех енисейских языков на две группы: а) существительные, имеющие звук *„a“* в падежных аффиксах, классифицируются носителями языка как одушевленные вообще и выражают понятие живого предмета мужского пола; б) существительные со звуком *„i“* в падежных аффиксах относятся к неодушевленному классу вообще или выражают понятие живого предмета женского пола.

Кроме того, показатели родительного падежа личных местоимений 3-го лица в енисейских языках полностью совпадают с показателями родительного падежа имен существительных одушевленного класса.

Вот именно в таком виде предстает категория падежа на синхронном уровне. Используя метод структурно-семантического анализа, мы восстанавливаем только основной и родительный падежи как самые древние [4, с. 213-215]. Основной падеж был и остается самым многозначным падежом, в то время как родительный является довольно однородным падежом, обозначая в основном притяжательность и партиитивность. Необходимо установить, какую функцию призвана была выполнять первая маркированная форма, которой, на наш взгляд, и был падеж, называемый нами родительный.

Х. П. Блок считает, что показатели различных грамматических категорий (категории падежа в том числе) развивались из локальных показателей (localistic exponente). При этом ученый отмечает, что локализм и дейксис трудно принимать в отрыве друг от друга [3, с. 263]. Период отсутствия четко выраженных категорий Х. П. Блок предлагает назвать дограмматической стадией (pregrammatical stage) [Там же, с. 300].

Именно енисейский материал в силу своих особенностей может, на наш взгляд, помочь разобраться в данном вопросе.

Для нейтрального строя (который мы вслед за Х. П. Блоком называем дограмматической стадией), когда не было еще никаких частей речи, предполагается существование первичных основ, состоявших из одних гласных. Гласные элементы *i/e-u-a/o* выступали в праенисейском языке в качестве локальных уточнителей, а именно *i/e* этого указывает на ближайший предмет, *a/o* того указывает на отдаленный предмет, и гласный *u* можно назвать дейктической частицей широкого значения [19, с. 30]. В то же время А. П. Дульзон считал морфемы *a, o, u* вариантами глагола действия a [7, с. 606], что свидетельствует о былой полисемии этих звуков. Словообразовательную функцию выполняли согласные *-b, k, t, d, n, h, s* и др. Они же служили классными показателями (например, деревья, духи, люди, предметы утвари и т.п.).

Период матриархата характеризуется противопоставлением женского и неженского класса, человек воспринимал себя и окружающий мир как единое целое. Существовавшие классы, несмотря на дробность, были втянуты в оппозицию «одушевленный»/«неодушевленный» (примерно так: $d, l, r, n, t > d, n/b, k, s, h, n > b, \eta$), с учетом первобытной картины мира. Здесь также следует отметить огромную роль метатезы для формирования дополнительных значений, например $da - ad$. Заметим, что первичные дейктические частицы легко вычлениаются и в современном кетском языке. Так, упомянутые выше частицы da, ad имеют следующие значения: da – предикативный и глагольный аффикс 3-го лица женского класса: $tyngyl'da$ «она высокая», $da-l'ok^2$ «она трясется»; показатель родительного падежа мужского класса: $obda$ «отца»; ad – личное местоимение 1-го лица, ед. числа: $at(d) tetnam kaigusdaja$ «я замуж вышла за Кайгуся».

Считаем возможным предположить, что первичные дейктические частицы с классным показателем d соотносились у енисейцев с чем-то постоянным, Богом данным, одушевленным, например: di «орел», Dog – верховный шаман, живущий на небе, $darij$ – человек, в которого вселились духи и др., $dago$ – мифическая птица из верхнего мира [1, с. 83], $dajols$ – деревянный идол, в котором живет душа умершего, возвратившаяся на землю из загробного мира [13, с. 187].

В противоположность классному показателю d , звук b следует рассматривать как обозначающий тело человека. Отсюда вытекает объяснение двух форм кетского личного местоимения 1-го лица: $ad - ab$ (ad – я от Бога, ab – я от Земли, от Матери).

В связи с этим интересным, на наш взгляд, является замечание М. М. Маковского о том, что «первоначально Отец-Небо и Мать-Земля были слиты воедино, и первым условием самого творения было их разделение, раздвижение и отталкивание друг от друга» [15, с. 85]. М. М. Маковский разделяет точку зрения Н. А. Бердяева на пол как на андрогин [2, с. 98]. Он понимает человека как космогоническую целостность, как антропоморфную сущность, как отражение целостности Вселенной, что характерно для архаичной мифологии, в том числе кетской.

Позже элемент b приобретает также значение предметности, «неживого», вещей (ср. $bo^2\eta$ «мертвец, покойник»). Г. К. Вернер указывал, что показатели родительного падежа и глагольные показатели группы B (ряд аффиксов у глаголов действия и движения, соотносившихся с именами, обозначающими деятеля) имеют единое происхождение, и, со ссылкой на работы Н. К. Каргера, Е. А. Крейновича, Б. А. Успенского, А. П. Дульзона, Б. А. Серебренникова, предполагал, что глагольные показатели группы B восходят к притяжательным местоимениям, а глагольные показатели группы D (ряд аффиксов, связанный с идеей пребывания актанта ситуации в определенном состоянии и соотносившийся как с активными именами, так и с инактивными именами) – к личным местоимениям [6, с. 38-41].

Можно предположить, что местоимение 1-го лица восходит к матриархату, т.к. имеет в своей словоформе дейксис a , сравним кет. am , котт. $amma$ «мать».

Гласный звук a , обозначающий при классном строе дальность нахождения предметов (ср. кет. qa «тот»), был также «дейксисом человека и олицетворяемых явлений и животных – *Genus Commune*» [21, с. 32]. В период матриархата звук a принадлежал женщине (ср. tam «грудь», $tamat$ «кормить грудью»). Различия по полу ещё не существовало. Класс вещей выражался нулем. Гласный звук i использовался при классном строе для обозначения близости нахождения предметов к говорящему (ср. кет. ki «этот»).

При переходе в активный строй, как нам представляется, возростала степень абстракции, в языке происходило переосмысление бывших классных показателей и их перераспределение с целью обозначения активности/инактивности. Так, элемент $-d-$ стал показателем активности. Помимо согласных в передачу значения активности/инактивности вовлекаются и гласные. Гласный звук a при активном строе получил дополнительное значение – «значительный, большой, активный» (ср. кет. qa «большой») и переходит к мужчине. Гласный звук i при активном строе обозначал малое, слабое, пассивное.

Все перемены, происходившие в значениях дейктических частичек, нашли свое отражение в языке. Так, например, частица da может употребляться в современном кетском языке как в качестве падежного показателя родительного падежа мужского класса, так и в качестве предикативного и глагольного аффикса 3-го лица женского класса, в то время как частица di выступает в качестве падежного показателя родительного падежа женского класса и глагольного показателя 1-го лица, а частица du является глагольным аффиксом 3-го лица мужского класса. Таким образом, мы получаем следующие дополнительные значения для гласных: a – мужской/женский класс; i – женский класс, 1-е лицо; u – мужской класс.

Возникновение склонения мы связываем с активным строем (по Г. А. Климову). Мы полагаем, что падежная парадигма зародилась вначале в сфере местоимений, где при активном строе уже существовало два ряда форм личных местоимений $a, ad/aba$ – «я»; u/uk – «ты». Форма, внешне совпадающая с формой современного основного падежа, употреблялась в случае согласования местоимения с глаголами состояния, в то время как форма, внешне совпадающая с формой нынешнего родительного падежа, употреблялась в случае согласования местоимения в качестве субъекта действия с активными глаголами.

Местоимение 3-го лица восходит к древнему указательному местоимению «тот» [20]. Полное совпадение падежных показателей личных местоимений 3-го лица и существительных также подтверждает наш вывод, что первоначально падежная оппозиция зародилась в сфере местоимений. Сопоставление форм родительного падежа с первым рядом глагольных показателей группы B дает нам в 3-м лице формы $-a-$ для мужского рода, $-i-$ для женского. Однако гласные a, i мы едва ли можем классифицировать как падежные показатели в современном их понимании. Они, скорее, могут рассматриваться как показатели локативности: $*bua$ «тот, который

далеко⁴, *bui – тот, который близко⁵. Позже, по всей вероятности, на первый план вышли следующие значения: у частицы *a* – значительный, большой, активный⁶, у частицы *i* – малое, слабое, пассивное⁶.

Элемент *-d-* как показатель активности и 3-го лица стал использоваться в связи с тем, что гласные частицы стали слишком многозначными, и потому для более полного выражения мысли языку требовались дополнительные средства. Его оформление в качестве падежного показателя произошло, скорее всего, в конце активного строя, при переходе к эргативному строю.

Мы также полагаем, что использование дейктических частиц *da/di* в качестве падежных показателей относится к сравнительно более позднему периоду (скорее всего, периоду развитого активного строя), когда дейктические частицы были уже достаточно грамматикализованы, чтобы служить формальными показателями не только одушевленности вообще, но и мужского/женского класса. Элемент *-d-* присоединился, прежде всего, к основе указательного местоимения *bu* в случае согласования с активными глаголами. Позже элемент *-d-* присоединился к основе имен существительных в качестве показателя активного падежа.

В заключение следует отметить, что исследование енисейских языков и их внешних связей позволило установить типологические сближения с древними языками самых различных ареалов и типов, например: с языками Центральной Азии, с индоевропейскими и урало-алтайскими языками, с языком бурушаски, с шумерским языком, северо-кавказскими языками, дравидийскими языками.

Вслед за О. А. Осиповой, мы считаем, что «столь разительные типологические и материальные совпадения не могут быть простой случайностью» [18, с. 14].

Таким образом, сопоставление этнографических данных развития общества и языкового материала енисейских языков подтвердило наше предположение, что стадияльное развитие языка обусловлено древней историей человеческого общества, ступенями развития мыслительной деятельности и, прежде всего, той картиной мира, которая сложилась в представлениях соответствующего древнего общества.

Список литературы

1. Алексеев Е. А. Представления кетов о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л.: Наука, 1976. С. 67-105.
2. Бердяев Н. А. Самопознание: опыт философской автобиографии. М.: Мир книги; Литература, 2006. 416 с.
3. Блок Х. П. Локализм и дейксис в языках банту // Африканское языкознание / под ред. Д. А. Ольдерогге. М.: Изд-во АН СССР, 1963. Т. LXXVI. С. 262-378.
4. Буренко Л. В. Выражение пространственных отношений и гипотеза происхождения категории падежа (на материале енисейских языков) // *European Social Science Journal* (Европейский журнал социальных наук). М.: Международный исследовательский институт, 2013. № 4 (32). С. 208-219.
5. Вернер Г. К. К интерпретации имени *HOSEJ* одного из кетских мифологических персонажей // Вестник Томского государственного педагогического университета. Томск: Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2011. № 9. С. 150-155.
6. Вернер Г. К. Реликтовые признаки активного строя в кетском языке // Вопросы языкознания. 1974. № 1. С. 34-45.
7. Дульзон А. П. Кетский язык. Томск: Изд-во ТГУ, 1968. 636 с.
8. Иванов Вяч. Всев. Лингвистика третьего тысячелетия: вопросы к будущему. М.: Языки славянской культуры, 2004. 208 с.
9. Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков. М.: Наука, 1971. 408 с.
10. Кибрик А. Е. Константы и переменные языка. СПб.: Алетей, 2003. 720 с.
11. Климов Г. А. Типология языков активного строя. М.: Наука, 1977. 315 с.
12. Коваленко Н. С. Отражение языковой картины мира в старославянских существительных с основообразующим формантом *-s* // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2010. № 1 (5). Ч. I. С. 160-164.
13. Крейнвич Е. А. О грамматическом выражении именных классов в глаголе кетского языка // Кетский сборник. Лингвистика. М.: Наука, 1968. С. 139-195.
14. Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 555 с.
15. Маковский М. М. Феномен ТАБУ в традициях и в языке индоевропейцев. Сущность – формы – развитие. М.: Ком-Книга, 2006. 280 с.
16. Можейко М. А. Мифология // Всемирная энциклопедия. Философия. М. – Минск: Аст; Харвест; Современный литератор, 2001.
17. Николаев Р. В. Фольклор и вопросы этнической истории кетов. Красноярск: Изд-во Красноярского университета, 1985. 128 с.
18. Осипова О. А. К типологической характеристике выражения одушевленности в системе склонения в енисейских и индоевропейских языках // Языки и топонимика. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1981. С. 12-17.
19. Поленова Г. Т. Происхождение грамматических категорий глагола (на материале енисейских языков). Таганрог: Изд-во Таганрогского государственного педагогического ин-та, 2002. 201 с.
20. Поленова Г. Т. Роль мифологии и фольклора в исследовании истории языка // Поленова Г. Т. В поисках истоков языка: сб. изб. трудов. Таганрог: Изд-во Таг. гос. пед. ин-та имени А. П. Чехова, 2011. С. 12-19.
21. Поленова Г. Т. Следы классного строя в енисейских языках // Филологический вестник Ростовского государственного университета. 2006. № 2. С. 27-34.
22. Хлобыстина М. Д. Говорящие камни. Новосибирск: Наука, 1987. 128 с.
23. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М.: Изд-во политической литературы, 1976. 238 с.

INFLUENCE OF ENISEI PEOPLE'S MYTHOLOGICAL PICTURE OF WORLD ON THEIR LANGUAGE (ON QUESTION OF CASE CATEGORY ORIGIN)

Polenova Galina Tikhonovna, Doctor in Philology, Professor
Taganrog State Pedagogical Institute named after A. P. Chekhov
polenova@mail.ru

Burenko Lyudmila Vasil'evna
South Federal University, Taganrog
lburenko@yandex.ru

The article suggests the hypothesis on case category origin by the material of the Enisei unwritten languages, which grammatical system has the features inherent in the earliest stages of language development. Basing on the postulate that any changes occurring in socium are represented in the language, the authors substantiate the idea that the study of the world picture typical of a particular society, may clarify the problem of grammatical categories evolution (including the category of case) in the language in which it speaks.

Key words and phrases: category of case; Enisei languages; world picture; mythology; matriarchy; patriarchy; deictic particles; language structure.

УДК 378.881

Педагогические науки

В статье обсуждается проблема отбора и структурирования содержания обучения дисциплине «Иностранный язык» магистрантов экономического профиля. Особое внимание уделяется предметному аспекту содержания обучения данной дисциплине. Описан опыт кафедры иностранных языков в сфере экономики, бизнеса и финансов Института экономики и финансов Казанского (Приволжского) федерального университета.

Ключевые слова и фразы: содержание обучения; предметный аспект содержания обучения; профессиональная направленность обучения; учебные материалы; аутентичный текст.

Полякова Оксана Викторовна, к. соц. н., доцент
Казанский (Приволжский) федеральный университет
polyakova_16@mail.ru

К ПРОБЛЕМЕ ОТБОРА И СТРУКТУРИРОВАНИЯ СОДЕРЖАНИЯ ОБУЧЕНИЯ ДИСЦИПЛИНЕ «ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК (ПРОДВИНУТЫЙ УРОВЕНЬ)» СТУДЕНТОВ-МАГИСТРАНТОВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ©

В настоящий момент российская высшая школа претерпевает преобразования, которые кардинальным образом должны повлиять на качество подготовки специалистов и их конкурентоспособность на мировом рынке: внедрение государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования третьего поколения, переход на двухуровневую систему подготовки специалистов, создание федеральных и национальных исследовательских университетов. Все эти нововведения находят отражение в содержании обучения вузовским дисциплинам.

Анализируя современные подходы к обучению иностранному языку, необходимо отметить, что наиболее приемлемым в настоящее время является межкультурный подход, так как он «позволяет реализовать современные потребности к изменению сущности и назначения предмета –иностранному языку» в нелингвистическом образовании, когда язык становится инструментом диалога (профессиональных) культур и эффективным орудием реализации всех профессиональных коммуникативных интенций специалиста» [3, с. 69].

Институт экономики и финансов Казанского (Приволжского) федерального университета в качестве приоритетной задачи ставит подготовку квалифицированных, конкурентоспособных специалистов, обладающих набором компетенций, обеспечивающих успешное межкультурное профессиональное общение на уровне мировых стандартов. В соответствии с поставленной задачей преподаватели кафедры иностранных языков в сфере экономики, бизнеса и финансов осуществляют иноязычную подготовку студентов, соблюдая следующие принципы:

- 1) интегративность овладения речевыми средствами и умениями;
- 2) введение элементов профессионализации в учебный процесс [1, с. 23];
- 3) учёт междисциплинарных связей при отборе и структурировании содержания языковой подготовки;
- 4) использование рефлексии и самооценки с целью развития автономности обучающихся;